

Л.В. Горишная

ДЖОРДЖ БАЙРОН И ТОМАС МУР. ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Джордж Байрон и Томас Мур были яркими представителями английского романтизма.

В 1821 году лорд Байрон начал писать сатирическое произведение "Синие" (*"The Blues"*), эклог, в котором под главными действующими лицами были тонко завуалированы сам автор и Томас Мур. В этом стихотворении Байрон попытался образно воссоздать мир своей утерянной популярности в Лондоне эпохи Регентства 1811-1815 годов. Это мир, в котором Байрон (Трейси) и Мур (Инкел) [1] – популярные сочинители, противопоставляющие себя современности, чувствуют дискомфорт на периферии культуры, ядро которой составляет авторы-обманщики и педанты. Стихотворение начинается с того, что Байрон и Мур стоят перед символической закрытой дверью лекционного зала, где собрались литераторы и просто любители новых веяний послушать "ужасный вздор" Скемпа (Колриджа) [1: 1, 45]. Инкел называет Скемпа глупцом, а Трейси отвечает: "Толпа сегодня свидетельствует, что один глупец дурачит всех. / Но мы будем мудрее" (*"And the crowd of to-day shows that one fool makes many. / But we two will be wise"*) [1: П. 57-58]. Два поэта удаляются, не желая присоединиться к пустым ритуалам лондонских литераторов.

Слова Трейси "но мы будем мудрее" – одни из наиболее лаконичных комментариев Байрона о его личных и литературных отношениях с Томасом Муром. Мур был единственным человеком, к которому Байрон мог всегда обратиться, буквально или образно, когда удары судьбы становились невыносимыми. Мур был, как и Байрон, литературным королем эпохи Регентства, как и Байрон, всегда чувствовал себя неуютно в домах величественного Лондона; Мур, был ирландским католиком и сыном бакалейщика из Дублина, а Байрон был (не афишируя) бисексуалом и вышел из бедной семьи без типичных для лорда знакомств и родственников. Как Байрон объясняет Муррею: "Сейчас Мур и я – один из-за обстоятельств, другой по происхождению – так случилось, став независимыми от общества, вошли в некий "Союз" (*"fuimus partes quorum"*) с его импульсами и страстями. Оба многому научились у общества, которое ничему более не смогло бы научить нас" [2: 8, 207]. Оба любили исчезать с вечеринок и тихо обедать где-нибудь в клубе, где они могли расслабиться и посмеяться над скучными и меланхоличными людьми (*"Bores and Blues"*) лондонского сезона. Начиная с 1812 и вплоть до 1821 года они обсуждали открытие газеты, в которой, как писал Мур в "Мемуарах", "писали бы друг другу послания на всевозможные темы, используя все размеры и стили, смеялись бы над "светом", оплакивали себя, несли вздор, критиковали общественные скандалы, – короче, делали бы шутя и философствуя все, что нас могло бы воодушевить" [4: 1, 176]. Под

фразой Мура «смеялись над "светом" – оплакивали себя» – подразумевается как ироническое равнодушие, так и трагическая изоляция, которую Байрон и Мур ощущали и которая характеризует их отношения с обществом, в котором им пришлось жить. Как и Трейси, Мур предлагает "мы будем мудрее": Байрон и Мур заключили союз друг с другом и провозгласили независимость от общества, погрязшего в неискренности и лицемерии.

Близкое приятельство между Байроном и Муром было основано в некоторой мере на жизненных перспективах, которые их объединяли, обе ощущали себя одновременно в центре и на периферии модной жизни. И характеры у них были похожи. Оба были скептиками и острословами, "людьми света" как писал Байрон, чьи демократические настроения закалялись аристократическими предубеждениями. Оба восхищались Наполеоном и презирали принца-регента. Они много путешествовали, были выдающимися писателями и воспринимали политику как серьезное и важное дело. Когда друзья подверглись повторным нападениям газет в 1814 году, Байрон сказал Муру: "я верю, что число наших ненавистников и тех, кто нас любит, до сих пор было одинаковым; но впредь неизбежно будет одним целым" [2:4, 62].

Глубина чувств Байрона наилучшим образом открылась Муру в его письмах, изобилующих лестными обращениями к ирландскому поэту. Доверяя "никому более", чем Муру [2: 9, 123], Байрон выбрал его редактором своих мемуаров и поверенным в случае смерти. В письме к Мэри Шелли, Байрон писал, что единственные в мире два человека, к которым он чувствовал что-то подобное дружбе, это лорд Клер и Мур [2: 10, 34]. А леди Елессингтон говорила, что Байрон выделял только Джона Кэм Хобхьюза, Клера, и Мура своими друзьями. [5: 223]

Самюэль Роджерс впервые представил Байрона Муру 4-го ноября 1811 года в своем доме на обеде с намерением установить мир между двумя поэтами. Их ссора возникла в 1810 году, когда Мур узнал, что Байрон присвоил авторство "Английских бардов и Шотландских обозревателей" 1809 года, поставив свое имя на титульном листе второго издания стихотворения. В этом стихотворении Байрон подвергнул нападкам Мура, критикуя его поэмы, где завуалирована безнравственность и насмешка над ним лично. Мур был на девять лет старше Байрона, и когда они встретились, Байрон был фактически неизвестным, в то время как Мур был уже десять лет популярным поэтом. Несмотря на разницу в возрасте, Байрон и Мур очаровали друг друга, впервые встретившись. Мур писал в "Записках": "Со времени нашей первой встречи, редко бывали дни, когда лорд Байрон и я не виделись; и наше знакомство перерастало в близкие отношения и дружбу со стремительностью, которой нельзя было найти объяснение" [6: 1, 322]. Письма Байрона другим людям в течение этих недель наполнены восторгом новым другом; он называет Мура "эпитомом (кратким изложением) всего восхитительного в поэтическом и личном успехе" и добавляет: "Мур и я в самых лучших отношениях" [2: 2, 129]; он также называет друзей Мура "восхитительными" и считает Роджерса и

Мура, "людьми, понимающими суть жизни" в Англии [2:2, 146]. В течение 5 месяцев, с 4-го ноября 1811 и до мая 1812 года, Байров и Мур еженежно развлекались на вечеринках, бывали в театрах, где обычно собирался модный свет Лондона. В это время они обедали вместе так часто, как это было возможно (приглашения Мура на обед часто были расписаны на неделю вперед) в таверне "Святого Албана" или "У Ственса". Спустя несколько лет Байров сказал: "Мои ужины тет-а-тет с Муром оставили самые приятные впечатления, которые я сохранил, пребывая в Лондоне: они как яркий свет на пасмурном небе" [5: 292]. Байрон был знаком с женой Мура, а в марте 1812 года Мур помог предотвратить дуэль между Байроном и полковником Гарри Гревиллом, которого поэт оскорбил в "Паломничестве Чайльд-Герольда" (*Childe Harold's Pilgrimage*). Мур присутствовал при знакомстве Байрона с Каролиной Лэм, а позже убедил его порвать отношения. Мур был также рядом с Байроном, когда тот встретил будущую леди Байрон.

Привлекательность Мура была почти легендарной. Байрон восхищался тонким чувством юмора Мура, его любовью к развлечениям, его философскому скептицизму и литературной неприязнательности – последнее Байрон часто выделял как отличительную черту Мура в сравнении с другими авторами. Не похожий на раннего Шелли или Ханта, Мур отказывался воспринимать себя и Байрона слишком серьезно, и, когда Байрон был окружен всеобщим обожанием и восхищением, Мур мог насмеяться над его меланхолическим настроением. Их "гармония умов" (определение Хувера Джордана) выразилась в творчестве: в январе или феврале 1812 года, как раз перед грандиозным успехом Байрона с *Чайльд-Герольдом*, Мур предложил опубликовать поэзию совместно, вдею Байрон воплотил в жизнь в 1821 году.

Поэты делили восхищение общества Лондона в 1812 году – Байрон за Чайльд-Герольда (опубликованного 10-го марта), а Мур и за его популярную "Пародию праздничного письма" (*Parody of a Celebrate Letter*) (появилась в марте) и за его новые Ирландские мелодии (*Irish Melodies*). Пылкие чтения Муром песен становились самым главным событием каждой вечеринки, на которой он присутствовал. Оба поэта были окружены почитателями, не было недостатка в приглашениях, их любил весь Лондон, кроме того, они являлись "светилами" вигов. Мур вернулся домой в Ирландию в апреле, и они с Байроном начали живейшую и нежную переписку. В 1813 году Мур писал: "Единственный, правдивый в активный друг по переписке, который у меня был, – это лорд Байроя, весьма благосклонный ко мне" [4:1, 282].

Байрон и Мур случайно встретились через год, в начале мая 1813 года. Снова они окунулись в жизнь лондонского бомонда на четыре месяца, пока не расстались в августе или сентябре 1813 года. К тому времени, Байрона чествовали за его "Гяур" (*Giaour*), а Мура за его песни и имевшие огромный успех "Тайные письма" (*Intercepted Letters*) или *"The Twopenny Post-Bag"*, сборник сатирических стихотворений, осмеивающих регентскую эпоху. Мур и Байрон проводили время с поэтом Роджерсом и драматургом Шериданом, а в

мае и июне поэты посетили Ханта Лейена в тюрьме, чтобы выразить свою солидарность с его оппозицией правительству. Хаэт вспоминал: "Было очень приятно видеть лорда Байрона и Мура вместе. Они, безусловно, восхитительны" [7: 387].

1-го февраля 1814 года был опубликован "Корсар" Байрона, содержащий пылкое, пронизанное политикой, посвящение Муру. В последующие недели и Байрон и Мур подверглись яростным и неоднократным нападкам со стороны многих газет из-за стихотворения Байрона "К плачущей женщине" ("*Lines to a Lady Weeping*"), включенного в издание. Мур и Байрон виделись в Лондоне около месяца в мае 1814 года, во время национального торжества, которое Байрон назвал "лето правителей." Они общались почти ежедневно: много раз посещали театр, чтобы увидеть Эдмонда Кина в "Отелло". Обедали они в «Вотиере» или в других клубах, обычно оставаясь там до утра [6: 1, 558]. В августе 1814 года Байрон стал крестным отцом новорожденной дочери Мура, Оливии Байрон Мур.

Следующий раз поэты общались три или четыре недели в декабре того же года в Лондоне. Они часто виделись и вместе обедали несколько раз в доме Дугласа Кинаирда, где, как пишет Мур, "музыка – после ужина, после бренди, разбавленного водой, после долгого веселья – объединяла нас, не позволяя расходиться" [6:1, 597]. 7-го декабря Байрон писал Аннабелле Мидбенк: "Мур в городе – я был так рад снова увидеть его – боюсь, я слишком 'перебрал вчера за обедом'" [2: 4, 240]. В одном из писем к Байрону, написанном в это время, Мур писал: "Я чувствую, Бэсси [супруга Мура] была права, ревнуя к тебе, – если бы я виделся с тобой так часто, как раньше, ты стал бы для нее опасным соперником." В шутку Байрон и Мур даже стали носить одинаковые пальто [4: 1, 343].

Тогда они не могли и предположить, что тот декабрь станет предпоследней встречей двух друзей. Весь 1815 год Мура не было в Лондоне, а Байрон был занят свадьбой, судебными делами и работой в театре Друри Лейн ("*Drury Lane*"). 25-го апреля 1816 года Байрон навсегда покинул Англию, и где-то в это время им было написано прощальное стихотворение Муру, начинающееся словами "*My boat is on the shore*" (Моя шлюпка на берегу). Мур прилагал все усилия, чтобы оградить Байрона от последствий развода с женой, написав критическую статью о "*Glenarvon*" Каролины Лэм в Эдинбургский журнал, где было решено не публиковать ее. 7-го октября 1819 года Мур смог навестить Байрона в Венеции. Мур в это время сам находился в изгнании из-за уголовного дела своего помощника, которого он ранее назначил вместо себя архивариусом Адмиралтейства на Бермудских островах. Встретив Байрона снова в Венеции в 1819 году, Мур 5 дней оставался в его дворце Мосениго; Мур просил своего друга присоединиться и путешествовать вместе, но так как Байрон не мог уехать, Мур сам отправился в Рим. Байрон говорил леди Блессингтон, что посещение Мура имело "пьянящее" влияние на него. И как заметила Эмма Фагнани, [Тереза Гассяолн] долго не могла понять английский,

когда становилась свидетельницей мальчишеских, словесных препирательств Байрона и Мура" [8: 631]. Мур "просвещал" Байрона по поводу того, что сейчас говорят о нем в Англии, а Байрон, помогая другу в его финансовых затруднениях, дал Муру свои мемуары с правом продать их издателю Джону Муррею.

Муррей предложил Муру 2 тысячи гиней за право издания мемуаров с условием, что Мур отредактирует их. С 1813 года Байрон был уверен, что Мур напишет и издаст его жизнеописание в случае преждевременной смерти автора [2: 3, 75]. После смерти Байрона в 1824 году Мур, которого убеждали Муррей, "Хобхауз" и другие издатели уничтожить мемуары, потратил годы на доскональное изучение материалов и преодоление многих преград к изданию двухтомника жизнеописания Байрона. "Письма и записки лорда Байрона", написанные Муром, появились на свет в 1830 и 1831 годах и в таком виде дошли до нас.

Для современников, это был только обзор художественных достижений Байрона и Мура. Во-первых, хорошо известно, что поэты были самыми близкими друзьями и, всеобщее признано, что в их поэзии часто использовались общие темы, настроения и стили. Во-вторых, по большому счету у двух поэтов одна публика: "Эдинбургский обозреватель" в 1823 году заметил, что два поэта "[разделили] публику между собой" и, что их читают "люди с одинаковыми вкусами и запросами" [9: 48]. Байрон и Мур умели угадывать и удовлетворять вкусы читателей высшего света. Оба поэта понимали, что аудитория у них общая и часто советовались друг с другом по поводу того, что их читатели в настоящее время хотят, вовремя ли публиковать то или иное произведение или как будет выглядеть литературный рынок в будущем. Эта восприимчивость и отзывчивость к желаниям читателей часто приводили Байрона и Мура к созданию произведений в одинаковом жанре или стиле. Присутствие на одной и той же сцене, разговоры об аудитории, и готовность писать по запросам времени помогает определить некоторое сходство между их литературными произведениями, особенно в период между 1812 и 1817 годами.

Байрона и Мура всегда по праву считали особо талантливыми поэтами, и, конечно, они были разными как художники. Но их работы характеризуются определенным сходством, что было более очевидно для людей, живших в одно время с поэтами, чем для современных литературоведов, которые почти полностью выпустили из вида произведения Мура. Оба поэта создавали сатирические произведения, восточные поэмы, "национальные" мелодии, иногда написанные на одну и ту же тему в одно и то же время. Через поэзию оба выражали свое отношение к событиям в обществе. Оба были стойкими и искренними сторонниками либерализма и противниками правительственного притеснения, их сатира подвергала нападкам одних и тех же публичных лиц и одни и те же аспекты английского общества. Оба использовали как экзотику, так и эротику, оба были религиозны и часто по-философски скептически в своей поэзии, и обоих постоянно обвиняли в непристойности и дерзости.

Эти сходства в шаяюобъэовавяв Байроном и Муром жанров, религиозности, политики и социального критицизма привели многих критиков и читателей к тому, что они видели этих поэтов как лидеров их собственной "школы", школы, которая угрожает нравственности молодежи и Британии в целом. «Еженедельный развлекательный журнал» в 1816 году подтвердил этот взгляд, назвав их "шотландским" и "уэльским" персидскими поэтами, известными пылкостью своей поэзии [9: 48]. В 1817 "Британский обозреватель" осудил Байрона и Мура как двух главных деятелей "новой восточной школы", разрушающей нравственность английской молодежи [11: 54]. Статья из двух частей, ищгедпя» в свет 1-го ноября 1819 года и 1-го января 1820 года в "Новом ежемесячном журнале", жестоко атаковала "поэтическое кредо" Байрона и Мура по моральным и религиозным причинам [12]. Когда Роберт Саута резко критиковал, по его словам, "сатанинскую школу поэзии" в его "Видение суда" (*The Vision of Judgement*), два сатанинских поэта, которых он имел в виду, не были Байрон и Шелли, как многие считали, а были Байрон и Мур [13: 295]. Байрон писал: "в предисловии к его [Сауту] "Видение суда" – он фактически призвал законодательную власть напасть на Мура, меня и других" [2: 9, 62]. В статье 1824 года в "Лондонском журнале" под названием "Характеристика современной поэзии," Джордж Дарля определил Байрона и Мура как ведущих *представителей* "современной школы" "чувственности." [14: 424]. Критики и сочинители, которые не осуждали Байрона и Мура в создании школы, все еще желали услышать об их поэзии, успехах и о них лично.

У Шелли в "Адонаисе" (*Adonais*) Байрон и Мур – "горные пастухи", пришли вместе, "среди других менее заметных," отдать дань Китсу. Для Шелли, Байрон – "бессмертный паломник," а Мур, изгнанный из Ирландии – "самый сладострастный лирик ее [Ирландии] горькой неправды". Шелли, таким образом, связывает Байрона с Чайльд-Гарольдом, а Мура – с его политическими "Ирландскими мелодиями", такими ассоциациями, которые подчеркивают "серьезность" и печаль произведений. Позже Генри Тейлор вспоминал: "Когда я был маленьким, Байрон и Мур заполнили души старых и молодых страстью... [У них была] захватывающая сила над самой большой аудиторией, которой не имел ни один поэт страны" [15: 223]. Тейлор также писал, что "гений [Мура], хотя, безусловно, и отличался от Байрона, но все равно был очень похож" [16: 187]. В 1831 году М. Моир отметил, что Мур, "судя по поэзии,... более сродни [Байону], нежели другим авторам" [17: 197]. Американская «Галерея Байрона и Мура» – полное собрание сочинений, опубликованное в 1871 году, – представила следующий взгляд на их сходство: "среди всех поэтов современности Байрон и Мур проявили в высшей степени мастерство в изображении очарования женской грациозности и красоты: их поэмы, мелодии и песни полны исключительности, страстности и утонченности; они создают идеал красоты, при этом "женщина-ангел" заполняет всю душу" [18: iii].

Ученые двадцатого столетия неоднократно делали попытки найти связи в поэзии Байрона и Мура, но большинство этих исследований имеют биографический характер, описывают дружбу поэтов и только вскользь их литературное влияние друг на друга [19]. Многие ученые указывали на взаимовлияние, не анализируя его; например, Карл Вудринг в своей "Политике в английской романтической поэзии" замечает, что Мур "влиятельно влиял на темы и литературные методы на каждом этапе становления Байрона как поэта" [20: 71]. Статья Джордана Хувера "Байрон и Мур" – самая правдивая работа сравнительного литературоведения, в которой описывается множество сходств в произведениях и объясняется 'взаимообмен идей' и 'гармония мышления'" [21: 429]. Работа Джордана, однако, слишком короткая, чтобы достичь большего, нежели общий вывод. В своем классическом исследовании Байрона "Пламенная песчинка" Дж. Джером МакГанн детально рассматривает "Поэтические работы позднего маленького Томаса 1801 года" Томаса Мура, как, главным образом, стимул для создания Байроном "Часов досуга" ("*Hours of Idleness*") [22: 71]. Кроме Джордана и МакГанна, современные ученые упустили из виду изучение этого вопроса в деталях большей частью из-за заведомого затруднения распознать влияние определенного художественного метода и стиля от общей атмосферы тем и жанров, присутствующих в тот момент в истории литературы. Хотя ни одно такое исследование не достигло неопровержимости, характер поэтических взаимоотношений Байрона и Мура, наличие примеров, имеющих в изобилии, дает возможность понять не только Байрона и Мура, но и литературные и общественные мнения людей, для которых они писали.

Поэтическое влияние Байрона и Мура, оказываемое друг на друга, было почти полностью противоположным отношениям между Байроном и Шелли. Байрон и Шелли оказывали главным образом отрицательное влияние на работы друг друга, каждый стимулировал другого опровергнуть свои взгляды на эпистемологию, природу, судьбу человечества [23]. Мур писал, что "странные, мистические размышления" Шелли могли повернуть разум Байрона "далеко от мировых событий и тем более абстрактное и неизведанное направление мысли" [6: 224]. Как и Байрон, Мур не симпатизировал абстракционизму Шелли или "насмешливой" поэзии Вордсворта, а вместе они видели свою роль в поэзии как обозревателей и комментаторов, писавших на определенные темы морали, греха, и сумасбродства общества, в котором им пришлось жить. Мур мог бы согласиться с агрессивными комментариями Байрона к Джеймсу Хугу о "презренных самозванцах" современной поэзии, таких как Роберт Саути: "Они не знают ничего о мире; и что такое поэзия, а не осуждение этого мира? Что общего у этих людей с духом времени?" [2:4, 85].

Желание Байрона ассоциировать свою поэзию со "светом" было одобрено и закреплено дружбой с Муром во времена его популярности в Англии. Хотя Мур и был разносторонним автором, его, главным образом, интересовала политика и судьба Ирландии. Первое, о чем Мур размышлял, создавая свои

произведения, как наилучшим образом, используя все свое умение, служить благому делу, в которое он верил. Поэтому его работы были тесно связаны со "светом" и с "духом времени." Будучи "исповедником" и проводником Байрона в светскую жизнь Лондона, Мур имел большое влияние на политические убеждения в поэзию раннего Байрона вплоть до 1815 года. Никто из них не соглашался быть, как у Шелли, "непризнанным проповедником мира"; и каждый жаждал иметь немедленное и практическое влияние на политику Англии, в они сокрушались, что не смогли достичь положения в правящей политической власти. Чтобы компенсировать свое политическое бессилие, Байрон и Мур, ободряя друг друга, решили использовать свои произведения как средство влияния на общественное мнение, сопротивляться консервативной политики британского правительства и поддерживать такие действия либералов, как католическое раскрепощение, парламентскую реформу и права угнетенных в Ирландии и за рубежом.

Байрон и Мур имели большое влияние на творчество друг друга. Каждый видел в другом главным образом политического союзника в области словесности, и каждый восхищался политическими поэмами и открытыми заявлениями другого. В начале 1813 года, например, Байрон последовал примеру Мура использовать "Утреннюю хронику" как средство для издания его анонимных стихотворений, атакующих правительство, а "Пародия на торжественное послание" (*Parody of a Celebrated Later*) Мура спровоцировало Байрона попробовать себя в подобном сатирическом стиле. Хотя Мур и отрицал свою принадлежность какой-либо партии, в то время он был фактически лидером ораторов за партию Виггов в дело либералов, с которым они были связаны, и Мур и лорд Холланд, предводитель виггов, видели в Байроне потенциального союзника. Мур подстрекал Байрона писать против правительства и решительно следовать его парламентской карьере. Успех Мура с его огромным количеством смешных политических нападок в 1812-1813 годах убедил Байрона отказаться от попыток писать строгие сатирические произведения и попробовать свое перо на более легкой общественно-политической сатире, такой как: "Вальс" и "Прогулка дьявола" (*"Waltz", "The Devil's Drive"*). Оба поэта были полны страстного желания провозгласить свое политическое и поэтическое содружество: они строили планы на создание совместной газеты. Мур требовал от Байрона стихотворений, *которые* нужно было включить в "Тайные письма" (*Intercepted Letters; or, The Twopenny Post-Bag*); а Байрон объявил о своей солидарности с Муром не использовать двусмысленных выражений в посвящении "Корсар". Позже влияние Мура на политическую поэзию Байрона уменьшилось, но оставалось значительным, как в случае стихотворения "Ирландский аватар" (*"The Irish Avatar"*), которое сразу же воодушевило Мура на написание "Захвата австрийцами Неаполя, 1821" (*"Lines on the Entry of the Austrians into Naples"*). Мур поддерживал идею политического союза с Байроном, даже когда популярность Байрона пошла на убыль, он посвятил

своему другу сатирическое стихотворение "Сказания о священном союзе" ("*Fables for the Holy Alliance* ") в 1823 году.

Конечно, существовало влияние не только политического характера, но и художественного – влияние произведений одного писателя на другого, как "Ирландские мелодии" Мура на "Еврейские мелодии" Байрона, или как "Турецкие сказки" Байрона на "Лала Рук" (*Lalla Rookh*) Мура. "Дружеский обоюдный плагиат" как "Ежемесячное обозрение" назвало это в 1818 году, возник отчасти из-за любви к поэмам друг друга и частично из-за способности быстро реагировать на пожелания публики [24: 420]. Поэта никогда не теряли из виду "широкий круг" вкусов и моды, который объединял большую часть их аудитории. Обозреватель *Ежемесячника* сравнивал Байрона и Мура с двумя высокопоставленными лицами страны, ведущими игру на право собственности другого по "правилам справедливого и джентльменского спорта", – сравнение, которое подчеркивает не только дружеское взаимодействие, но и особую атмосферу аристократизма, которой их работы обладали, отчасти благодаря их читателям. Читатели хотели изысканных песен и великолепных поэм экзотического, материалистического ориентализма, а Байрон и Мур давали им то, что они хотели. Нельзя не сказать, тем не менее, что они рассматривали свои мелодии и восточные поэмы цинично; а создали они самые эмоционально мощные и политически острые произведения в процессе удовлетворения вкусов экзотичности и зрелищ.

Последнюю и, возможно, самую важную точку влияния в отношениях между Байроном и Муром можно найти в самой лирической поэзии Байрона, и основная позиция иронической беспристрастности демонстрирует это. "Ежемесячное обозрение" проницательно писало, что "в сравнительно немногих лирических произведениях лорд Байрон часто выступает измененным мистером Муром," и это имело серьезные основания [24: 423]. Толчком в создании лирических поэм для раннего Байрона послужил второй том произведений Т. Мура 1801 года "Поэтические работы Томаса Маленького позднего периода", шутливая книга любовных лирических стихотворений как сентиментальных и циничных, так и "неискренних", по определению традиционных стандартов "романтизма". Создавая свою "неискреннюю" поэзию под личиной выдуманного *Томска Маленького*, чувствительного, непосредственного молодого человека, который трагически умирает в возрасте 21 года, Мур мог принять или отвергнуть те или иные условности романтизма. Байрон запомнил "Стихотворения Томаса Маленького", как называли обычно книгу, и стилистическое влияние на лирику раннего Байрона очевидно, но уникально скептическое рассмотрение самовыражения романтизма Мура имело долгосрочное влияние на поэзию Байрона, что побудило его к совершенствованию того, что МакГанн называет "лирическим щегольством" Байрона [25: 28]. Когда Байрон пишет в "Дон Жуане" "И чувства, в поэте, источник / чувств иных; но они такие лживые / А все цвета / как руки маляра" ("*And feeling, in a poet, is the source /Of other's feeling; but they are such liars, /And*

take ail colours like the hands of dyers") (1, П. 790-92), он согласен с утверждением Мура о неизбежности лжи и ничтожности поэзия как формы правдивого выражения. Нарочито притворные качества многих лирических произведений Мура оказывали влияние на низвержение Байроном традиционной романтической лирики.

Ирония литературных отношений между Байроном и Муром состояла в том, что поэты в некоторой степени поменялись местами в 1817-1818 годах. В 1817 году вышел в свет долгожданный опус Томаса Мура "Лалла Рук" ("*Lalla Rookh*"), и, хотя общественный резонанс был чрезвычайно благоприятным, почти все критики считали, что поэма является подражанием Байрону. В 1818 году выходит в свет "Беппо" ("*Beppo*") Байрона, работа, в которой поэт окончательно совершенствует собственное стихосложение, не беря в пример беззаботную сатиру Мура, которой он руководствовался с 1812 года. Фрэнсис Джефффри писал о стиле "Беппо": "при ближайшем рассмотрении можно найти ... в некоторых отрывках мистера Мура, и автора остроумного сборника под названием "Тайные письма" (*Intercepted Letters; or, The Twopenny Post-Bag*) [также Мура]" [26: 303]. В "Лалла Рук" и "Беппо" замаркированы критические поворотные моменты в литературной карьере Мура и Байрона. Мур нашел форму и стиль, позволившие ему удовлетворять воображение полнее, чем любая из его предыдущих работ, в то время как Байрон сумел достичь острого, непочтительного и гибкого вида сатиры, которой он ранее избегал. Повествование о литературных отношениях между Байроном и Муром до определенного момента является повествованием о том, как один поэт стимулирует другого для того, чтобы обнаружить и исследовать стороны его таланта, оставшиеся нераскрытыми.

Литература

1. *Lord Byron: The Complete Poetical Works*. Ed. Jerome J. Mc.Gann. 7 vols. Oxford: Clarendon Press, 1980-1993.
2. *Byron's Letters and Journals*. Ed. Leslie A. Marchand. 12 vols. Cambridge: Harvard UP, 1973-1982.
3. *The Poetical Works of Thomas Moore. Collected by Himself*. 10 vols. London: Longmans, 1840-1841.
4. *The Letters of Thomas Moore*. Ed. Wilfred S. Dowden. 2 vols. Oxford: Oxford UP, 1964.
5. Marguerite, Countess of Blessington, *Conversations of Lord Byron*, ed. Ernest J. Lovell Jr. / Princeton: Princeton UP, 1969, p.223.
6. *Letters and Journals of Lord Byron, with Notices of His Life*. Ed. Thomas Moore. 2 vols. London: John Murray, 1830-1831.
7. Leigh Hunt, *The Autobiography of Leigh Hunt*, ed. J.E. Morpurgo / London: Cresset Press, 1949, p. 315.
8. *His Very self and Voice: Collected Conversations of lord Byron*, ed. Ernest J. Lovell Jr. / New York: Macmillan, 1954, p. 387.

9. *Review of The Loves of the Angels: A poem and Heaven and Earth: A Mystery, in Edinburgh Review 38, 1823, p. 27-48.*
10. *Weekly Entertainer, "Portraits of Poets ", 56 (18 March 1816), p. 225-227.*
11. *Review of Lalla Rookh, an Oriental Romance, in British Review 10 (10 August 1817), p. 30-54.*
12. *"Critique on Modern Poets ", New Monthly Magazine 12 (1 Nov. 1819) p. 377- 384; "Criticisms on the Modern Poets ", New Moodily Magazine 13 (1 Jan. 1820) p. 1-4.*
13. *The Correspondence of Robert Southey with Caroline Bowles, ed. Edward Dowden / London: Longmans, 1881, p. 295.*
14. *George Darley, "The Characteristic of the Present Age of Poetry", London Magazine 9 (April 1824), p.424-427.*
15. *Una Taylor, Guests and Memories: Annals of a Seaside Villa, London: Oxford UP, 1885, p. 223.*
16. *Henry Taylor, Autobiography of Henry Taylor 1800-1875, London: Longmans, 1885, p. 187.*
17. *D.M. Moir, Sketches of the Poetical Literature of the Last Half-Century, Edinburgh: W. Blackwood, 1851, p. 197.*
18. *"Preface", The Byron and Moore Gallery. A Series of Characteristic Illustrations by Eminent Artists. With Descriptive Letter-Press in Verse, and Biographies of the Authors, New York: Johnson, Wilson and Company, 1871, p. iii.*
19. *Therese Tessier, "Byron and Moore: A great Literary Friendship", Byron Journal 20 (1992), p. 46-57; Terence De Vere White, "The Best of Friends", Byron Journal 8 (1980), p. 4-17.*
20. *Carl Woodring, Politics in English Romantic Poetry, Cambridge: Harvard UP, 1970, p. 71.*
21. *Hoover H. Jordan, "Byron and Moore", MLQ 9 (1948), p. 429-439.*
22. *Jerome J. Mc.Gann, Fiery Dust: Byron's Poetic Development, Chicago: U of Chicago Press, 1968.*
23. *Charles E. Robinson, Shelly and Byron: The Snake and Eagle Wreathed in Flight, Baltimore: Johns Hopkins UP, 1976.*
24. *Review of Irish Melodies, Monthly Review 87 (1818), p. 419-33.*
25. *Jerome Jf. Mc.Gann, "Byron and the Anonymous Lyric", Byron Journal 20, (1992), p. 27-45.*
26. *Francis Jeffiey, review of Beppo, a Venetian Story, Edinburgh Review 29, (1818), p. 302-310.*

Анотація

Горішна Л.В. "Джордж Байрон і Томас Мур. Літературні та особисті стосунки" – стаття.

У статті розглядаються літературні відносини та особисті стосунки між двома видатними представниками англійського романтизму XIX століття Дж.

Байроном та Т. Муром. Кожен із поетів здійснював вплив на творчість іншого. Кожен бачив іншого ідейним союзником в галузі словесності, і кожен захоплювався художніми знахідками у поезії іншого. Розповідь про літературні відносини між Байроном та Муром виявляється розповіддю про те, як один поет стимулює іншого для того, щоб знайти і дослідити сторони його таланту, що залишилися нерозкритими.

Ключові слова: поезія, літературні відносини, англійський романтизм, вплив на творчість, ідейний союзник, талант.

Аннотация

Горишная Л.В. "Джордж Байрон и Томас Мур. Литературные и личные отношения" – статья.

В статье рассматриваются литературные и личные отношения между выдающимися представителями английского романтизма XIX века Дж. Байроном и Т. Муром. Каждый из поэтов оказывал влияние на творчество другого. Каждый видел другого идейным союзником в области словесности, а каждый увлекался художественными находками в поэзии другого. Повествование о литературных отношениях между Байроном и Муром является повествованием о том, как один поэт стимулирует другого для того, чтобы обнаружить и исследовать стороны его таланта, оставшиеся нераскрытыми.

Ключевые слова: поэзия, литературные отношения, английский романтизм, влияние на творчество, идейный союзник, талант.

Snnmary

Gorishna L.V. "George Byron and Thomas Moore. Literary and Personal Relationship" – Article.

Literary and personal relationship between two famous representatives of English Romanticism of the XIX century G. Byron and T. Moore is considered in the article. Each of the poets influenced the other's works. Each of the poets saw the other as the ideological ally in the branch of philology and each of them was fond of the other's finds in the poetry. The narration about literary relationship between Byron and Moore is the narration about one poet fills another with ideas and enthusiasm to find and research the sides of his friend's talent left without discovering.

Key words: poetry, literary relationship, English Romanticism, influence the works, ideological ally, talent

Статья прорецензирована и рекомендована к печати кандидатом филологических наук, доцентом кафедры филологии и перевода Академии внутренних войск МВД Украины Гуслистой Л.А.